АПРИОРИЗМ КАНТА КАК ТЕОРИЯ ОПЫТНОГО ЗНАНИЯ

Т.И. Ойзерман

Название этой статьи, вероятно, вызовет недоумение у значительной части читателей. Ведь априоризм как гносеологическая концепция представляет собой попытку систематического обоснования возможности независимого от опыта знания. И Кант, несмотря на принципиальное отличие его априоризма от априористических концепций своих предшественников-рационалистов, также доказывает возможность независимого от опыта (от чувственных данных вообще) познавательного процесса. Так, в "Критике чистого разума", где мы находим главное систематическое обоснование кантовского априоризма, утверждается: "...основной вопрос состоит в том, что и насколько может быть познано рассудком и разумом независимо от опыта"[1]. Однако, отвечая на этот вопрос, доказывая существование чистой (априорной) математики так же, как и чистого естествознания (механики), Кант вместе с тем столь же обстоятельно, систематически обосновывает положение о невозможности сверхопытного знания, отмежевываясь тем самым от рационалистов, которые трактовали априорные понятия как единственно возможные способы познания сверхопытной, сверхчувственной реальности, трансцендентного.

По учению Канта, сверхопытное, трансцендентное (таковыми прежде всего являются "вещи в себе") принципиально непознаваемо. Следовательно, априорные понятия, категории необходимы вовсе не для того, чтобы преодолеть неизбежную ограниченность всякого эмпирического знания. Такая задача принципиально неразрешима. Категории необходимы для формирования, структурирования опыта, т.е. для перехода от чувственных восприятий к тому организованному знанию, каковым является опыт. Поэтому Кант полагает, что "спекулятивное *знание* в собственном смысле слова не может найти иных предметов, кроме предметов опыта"[2].

Таким образом, Кант, с одной стороны, доказывает априорность математики и математического естествознания, а с другой – рассматривает всякое знание как находящееся в границах возможного опыта. Но какое отношение имеют к опыту, к чувственным данным, чистая математика и математическое естествознание? Отвечая на этот вопрос, мы снова обнаруживаем одно из принципиальных отличий кантовского априоризма от рационалистических концепций его предшественников. По учению Канта, априорное, и прежде всего математическое, знание, имеет своим источником чувственные созерцания, которые, однако, в отличие от эмпирических созерцаний, носят априорный характер. Таковы пространство и время – априорные чувственные созерцания, согласно учению Канта. Пространство и время априорны, по-

скольку они обладают безусловной всеобщностью и необходимостью, которые не могут быть почерпнуты из опыта. Но тот факт, что они все же являются чувственными созерцаниями, придает им *эмпирическую* реальность. Благодаря этому они представляют собой необходимые условия не только априорного, но эмпирического познания.

Кант называет априорные понятия, категории, трансцендентальными понятиями, противопоставляя трансцендентальное трансцендентному как доопытное сверхопытному. Гносеологическое значение априорных, трансцендентальных понятий состоит в том (и только в том), что они применяются к чувственным данным, формируют опыт и не имеют никакого значения за пределами возможного опыта. Вот почему Кант определяет свой трансцендентальный идеализм как *реализм*, подчеркивая его *эмпирический* характер. Он пишет: "трансцендентальный идеалист есть вместе с тем эмпирический реалист и признает за материей как явлением действительность, непосредственно воспринимаемую, а не выводимую путем умозаключения"[3].

Априорное знание рассматривается Кантом как противоположность эмпирическому знанию. Но, как следует из всего содержания "Критики чистого разума", эта противоположность в ряде существенных отношений относительна. Так, мы находим в "чистом естествознании" такие понятия как масса, движение, инерция, покой и т.д. Все эти понятия, как подчеркивает Кант, носят не априорный, а опытный, эмпирический характер. Следовательно, существует не только априорное, но и априорно-эмпирическое знание, область которого так же безгранична, как совокупность явлений природы.

Подобно тому, как в естественнонаучном априорном знании наличествует эмпирическое содержание, так и эмпирическое знание, опыт в принципе невозможны без априорных понятий, т.е. таких понятий, которые обладают безусловной всеобщностью и необходимостью.

Философы, разрабатывавшие эмпирическую теорию познания, применяли термин "опыт" как само собой разумеющееся представление, не нуждающееся в определении, в типологическом исследовании, понятийном анализе и т.д. Дж. Локк в "Опыте о человеческом разумении", постоянно ссылаясь на опыт, пользуется такими выражениями: "призываю в свидетели собственный опыт каждого", "как очевидно из опыта", "собственный опыт показывает каждому", "я обращаюсь к собственному опыту каждого"[4]. Опыт для Локка есть не что иное, как совокупность чувственных данных. И хотя Локк и говорит о необходимости совершенствования опыта, он не идет дальше указания на необходимость согласования личного опыта с опытом других индивидуумов. Там, где имеется такое согласование, опыт становится подлинным, истинным знанием.

Для Канта, в отличие от философов-эмпириков, опыт представляет собой весьма сложную структуру, исследование которой предполагает выяснение отношения чувственных данных к категориям, которыми оперирует опыт, анализ генезиса опыта, выявление его ограниченности и т.д. Этих вопросов мы коснемся ниже. Пока же, подводя итоги

предшествующему изложению, мы можем констатировать, что априоризм Канта органически связан с проблемой опытного знания, что априорное и опытное образуют в учении Канта две стороны одной и той же гносеологической проблемы. В связи с этим следует подчеркнуть ту высокую оценку философского эмпиризма, которая неоднократно высказывается Кантом. Он видит заслугу этого учения в том, что оно "не может согласиться с тем, чтобы искали причины чего бы то ни было вне природы (первосущность), так как мы ничего не знаем, кроме природы, и только природа дает нам предметы и может давать нам сведения об их законах"[5]. Иными словами, философский эмпиризм объясняет природу из нее самой. Такое объяснение природы Кант считает единственно допустимым в естествознании, единственно соответствующим самому понятию естествознания.

Указывая на связь кантовского априоризма с философским эмпиризмом, мы имеем также в виду стремление Канта преодолеть присущие эмпиристской философии номиналистические тенденции. Сознавая, что индукция, в которой философы-эмпирики видели единственный способ обобщения, никогда не может быть окончательно завершена, эти философы считали проблематичным, даже сомнительным всякое утверждение, претендующее на безусловную всеобщность. Локк, например, утверждал, что "...*общее* и *всеобщее* не относятся к действительному существованию вещей, а *изобретены* и *созданы разумом* для собственного употребления и касаются только знаков – слов или идей"[6]. Не трудно понять, что такое субъективистское истолкование общего, универсального неизбежно вступало в конфликт с естествознанием, которое уже во времена Локка установило ряд всеобщих физических закономерностей (достаточно вспомнить законы классической механики, открытые Ньютоном).

Кант прекрасно видел неудовлетворительность эмпиристской интерпретации общего. Механика Ньютона, в которой Кант видел образец научного познания, убеждала его в том, что, несмотря на неизбежную ограниченность индуктивных выводов, суждения, обладающие строгой всеобщностью и необходимостью, не только возможны, но и необходимы. Такие суждения Кант и называл априорными, а поскольку они не могли быть индуктивными выводами, он полагал, что они независимы от опыта. Таким образом, кантовское положение о возможности априорных суждений должно было, по замыслу философа, устранить ахиллесову пяту эмпиризма и тем самым поднять эмпирическое исследование на более высокий научный уровень, соответствующий универсальным обобщениям классической механики.

Все изложенное выше приводит нас к выводу о несостоятельности довольно распространенного в историко-философской литературе противопоставления кантовского априоризма философскому эмпиризму. Принципиальное отличие априоризма Канта от априористических концепций его предшественников не только сближает кантовский априоризм с философским эмпиризмом, но и превращает его в теорию эмпирического познания. Разумеется, кантовская теория эмпирического познания имеет априористическое основание, но именно это обстоя-

тельство, которое обычно трактуется как самое уязвимое место гносеологии Канта, означало несомненное продвижение вперед философского понимания природы опыта, который благодаря кантовской философии начинает теперь пониматься не просто как сумма чувственных данных, а как сложное, структурированное образование, которое делает возможным познание не только единичных вещей, но и законов, которым они подчиняются.

Значение кантовского априоризма для теоретического понимания эмпирического познания в особенности подчеркивали неокантианцы марбургской школы. Ее глава Г. Коген и в книге "Теория опыта Канта" обосновывал тезис: "Критический идеализм соединяет идеализм и реализм в понятии опыта". Ссылаясь на Канта, утверждавшего, что "всякое наше познание начинается с опыта" (этими словами начинается Введение в "Критику чистого разума"), Коген утверждал, что идеализм Канта отличается от предшествующих учений тем, что он "исходит из научного опыта. Его первое слово: то, с чего должно начинаться все познание, не должно выходить за границы опыта"[7].

Куно Фишер в своей посвященной Канту двухтомной монографии указывает, что эмпиризм Д. Юма способствовал тому, что Кант отказался от своих "докритических" воззрений и начал разрабатывать новое философское направление, т.е. "критическую философию". К. Фишер отмечает в связи с этим: "Это новое направление состояло в том, что он решительно отклонился от рационализма и приблизился к эмпиристской философии"[8].

В современной философской литературе выдающееся значение априоризма Канта для обоснования теории познания эмпиризма особенно решительно подчеркивает Г. Зандкюллер, который заявляет, что априоризм Канта "представляет собой основу для утверждения рационально обновленного эмпиризма"[9].

Интерпретация кантовского априоризма как теоретической основы для новой, развитой формы эмпиристской гносеологии стало почти общепризнанным, во всяком случае в современной немецкой философии. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что такая интерпретация вошла в учебные пособия по философии. Так, в статье "Опыт", помещенной в словаре основных философских понятий, утверждается, что "Критика чистого разума" Канта "может быть прочитана как трактат о понятии опыта". При этом в статье подчеркивается, что Кант преодолевает ограниченность традиционного философского эмпиризма, который не мог обосновать объективность общего, наличествующего как во внешнем мире, так и в познании. "Эмпиризм, – говорится в цитируемой статье, – воспринимает опыт так узко, что особенное, содержащееся в опыте, противостоит общему, содержащему в теории... Кант пытается избежать этого противоречия благодаря тому, что он с самого начала рассматривает особенное в восприятии в горизонте общего, присущего категориям, утверждая тем самым единство того и другого"[10].

Разумеется, в философии нет места всеобщему согласию в оценке тех или иных идей и учений. Это относится и к данному случаю, к

оценке роли кантовского априоризма в развитии эмпиристской теории познания. Г. Райхенбах, видный представитель неопозитивизма, полагает, что кантовский априоризм несовместим с понятием опыта. "Требование, чтобы опыт всегда должен быть возможным в рамках априорных принципов, является в системе Канта недопустимой предпосылкой и представляет собой недоказуемую посылку, на которой стоит и рушится вся его система"[11]. Райхенбах, как и все неопозитивисты, отвергает априоризм и поэтому, естественно, не может признать за ним какой бы то ни было роли в развитии философского эмпиризма. Тот факт, что кантовский априоризм обосновывает возможность теоретических выводов, обладающих строгой всеобщностью и необходимостью, полностью игнорируется неопозитивистами, которые интерпретируют общее в познании как результат некоего соглашения между исследователями, т.е. подобно Локку отрицают наличие объективно общего как в познании, так и в предмете познания.

Выше мы лишь мимоходом, бегло касались кантовского понимания опыта и эмпирического познания вообще. Теперь следует специально рассмотреть этот вопрос, чтобы вполне уяснить позитивную роль кантовского априоризма в развитии эмпиристской теории познания. Прежде всего подлежит осознанию тот несомненный факт, что опытное, эмпирическое познание принципиально несводимо к простому суммированию и обобщению чувственных восприятий. Этой, ставшей неоспоримой в наше время истины не понимали классики философского эмпиризма, мыслители XVII–XVIII вв.[12] Эмпирическое знание, в особенности в современном его понимании, включает в себя не только данные наблюдений, экспериментов, но и эмпирические понятия, обладающие неограниченной всеобщностью, эмпирические законы, а также знания о явлениях, которые недоступны чувственным восприятиям. Существование таких явлений устанавливается частью путем инструментального наблюдения, частью посредством гипотез, которые затем подтверждаются (или опровергаются) экспериментами. Кант, конечно, не имел представления о том уровне эмпирического исследования, которого оно достигнет в будущем. У него эмпирическое исследование имеет дело лишь с чувственно воспринимаемой реальностью, т.е. не способно постигать то, что не может быть предметом чувственных восприятий. Тем более удивительно, что несмотря на сравнительно низкий уровень эмпирических исследований, несмотря на их ограниченность непосредственными чувственными данными, Кант убедительно доказывал, что опыт невозможен без суждений, обладающих аподиктической всеобщностью, что категориальный аппарат мышления, поскольку он применим лишь к явлениям, а отнюдь не к трансцендентным "вещам в себе", служит также аппаратом эмпирического познания, которое выявляет связи между явлениями, исследуя их причины и следствия, короче говоря, не только суммирует чувственные данные, но и открывает такие отношения между явлениями, о существовании которых никоим образом не свидетельствуют чувственные данные.

По учению Канта, необходимым условием опыта являются априорные категории, которые, будучи формами мышления, сами по себе

лишены содержания и наполняются таковым в процессе категориального синтеза чувственных восприятий. Кант указывает, что "всякое эмпирическое знание о предметах необходимо должно сообразоваться с такими понятиями, так как без допущения таких понятий ничто не может быть *объектом опыта*. И действительно, всякий опыт содержит в себе кроме чувственного созерцания, посредством которого нечто дается, еще и *понятие* о предмете, который дан в созерцании или является в нем; поэтому в основе всякого опытного знания лежат понятия о предметах вообще как априорные условия"[13]. Чувственные восприятия суть восприятия единичных предметов; рассудок узнает, идентифицирует эти предметы, поскольку в сознании уже имеются названия, обозначающие понятия, сложившиеся об этих предметах. Но, кроме этих эмпирических понятий о предметах, рассудок содержит в себе априорные понятия, или категории, посредством которых из массы чувственных восприятий образуется опыт, эмпирическое знание.

Суждения опыта отличаются от суждений восприятия, лишенных априорной основы. Кант поясняет это принципиально важное для всей его гносеологии положение следующим примером. Суждение "солнце нагревает камень" – несомненно, эмпирическое суждение, но оно есть вместе с тем результат априорного синтеза, так как включает в себя категорию причинности, априорное понятие, безусловная всеобщность которого указывает на то, что оно не может быть получено опытным путем, т.е. посредством индукции. В отличие от суждения опыта, *суждение восприятия* позволяет лишь утверждать: "когда солнце освещает камень, он становится теплым". Это суждение не указывает на причинно-следственное отношение; оно лишь фиксирует чувственные восприятия.

Совершенно очевидно, что опыт, эмпирическое знание, радикально отличается от простой констатации чувственно данного, которая сама по себе еще не является знанием. Опытное знание представляет собой категориальный синтез чувственных данных, т.е. установление связи между ними, их объединение. "Опыт, – говорит Кант, – есть эмпирическое знание, т.е. знание, определяющее объект посредством восприятий. Следовательно, опыт есть синтез восприятий, который сам не содержится в восприятии, но содержит в сознании синтетическое единство многообразного..."[14]. Это единство, поскольку оно не содержится в восприятиях, может быть лишь априорным единством. Оно представляет собой прежде всего *связь*, которая обнаруживается в эмпирическом знании, а значит, и в образующих его чувственных данных; но эта связь не является чувственно данным, она привносится в эти данные рассудком, благодаря наличествующему в нем априорному единству. Сами по себе чувственные восприятия разрознены, их связывание друг с другом – дело рассудка, мышления. Поэтому Кант утверждает: "мы ничего не можем представить себе связанным в объекте, чего прежде не связали сами; среди всех представлений *связь* есть единственное, которое не дается объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо оно есть акт его самодеятельности"[15].

Итак, путь познания характеризуется Кантом следующим образом: априорные созерцания (пространство и время) *связывают* чувственные восприятия, создавая из них *явления*, которые становятся объектами (проблемами) рассудка. Рассудок *связывает* явления и создает из них знание или опыт. Следовательно, опыт есть продукт нашего рассудка, и в этом качестве он становится объектом (проблемой) разума, который, связывая воедино многообразие опыта, пытается создать единое целое знания, научную систему, которая постоянно развивается, но никогда не придет к своему завершению.

Анализ содержания эмпирического знания выявляет в нем наличие всеобщих и необходимых характеристик явлений, т.е. определенных закономерностей, которые постоянно подтверждаются опытом, однако не могут быть почерпнуты из него. Эти закономерности составляют предмет рассмотрения в том разделе кантовской трансцендентальной логики, который называется основоположениями чистого рассудка.

В установленной Кантом таблице категорий трансцендентальной логики перечислены четыре группы: категории количества, категории качества, категории отношения, категории модальности. Соответственно этим четырем группам категорий, которые, как подчеркивает Кант, применимы лишь к предметам возможного опыта, трансцендентальный идеализм устанавливает четыре основоположения чистого рассудка: аксиомы созерцания, антиципации восприятия, аналогии опыта, постулаты эмпирического мышления вообще. Хотя эти основоположения именуются основоположениями чистого рассудка, априорными основоположениями, они относятся (и притом непосредственно) лишь к явлениям, поскольку их, согласно учению Канта, необходимо рассматривать, во-первых, как созерцания, во-вторых, как ощущения, в-третьих, как находящиеся в отношении друг к другу и, в-четвертых, как находящиеся в отношении к сознанию.

Принцип аксиом созерцания гласит: все созерцания представляют собой экстенсивные величины, т.е. образуются путем сложения однородных частей, составляющих некоторую *величину*. Из этого априорного принципа следует вывод, что все делимо до бесконечности; нет ничего неделимого. Следует подчеркнуть, что современники Канта, в первую очередь естествоиспытатели, как правило, не соглашались с таким выводом. Тогдашние представления об атомах сводились, как известно, к убеждению, что эти элементарные частицы материи в принципе неделимы, неразрушимы. Такова была, в частности, и точка зрения Ньютона, учение которого Кант считал величайшим научным достижением[16], что, однако, не помешало философу не согласиться в данном немаловажном вопросе с создателем классической механики.

Принцип антиципаций восприятия утверждает: реальное, образующее содержание ощущений, обладает интенсивной величиной, т.е. *степенью*. Выводы, вытекающие из этого принципа, очевидны: нет пустоты, поскольку всякому восприятию всегда присуща некоторая степень. Антиципации восприятия приводят также к выводу, что плотность, масса, удельный вес представляют собой универсальные качественные

характеристики любого вещества, поскольку этим качествам всегда присуща определенная степень.

Само собой разумеется, что все эти выводы сложились в ходе развития естествознания, на основе опыта. Но что придает указанным природным качествам явлений безусловную всеобщность и необходимость? Естествоиспытатели не ставили этого вопроса; они просто констатировали в каждом изучаемом ими природном веществе указанные качества, вполне поддающиеся измерению. При этом они были, конечно, убеждены, что эти качества присущи всем без исключения материальным вещам. Кант, разделяя эту убежденность, вместе с тем утверждает, что она не может основываться на эмпирических, всегда ограниченных данных. Указанные качества явлений, утверждает Кант, обусловлены априорными основоположениями чистого рассудка; только такие основоположения придают научным представлениям о массе, плотности, удельном весе материальных вещей всеобщее и необходимое значение.

Уместно отметить, что отрицание пустоты, т.е. вывод, сделанный Кантом из антиципаций восприятий, далеко не разделялся значительной частью его современников. В небесной механике Ньютона тяготение истолковывалось как actio in distance, т.е. действие, происходящее в пустоте. Кантовское отрицание пустоты предвосхищало позднейшее, сложившееся уже в нашем веке, научное представление о содержательности вакуума. Это, с одной стороны. С другой стороны, этот кантовский вывод пролагал путь к пониманию того, что понятие пустоты в теории падения Галилея и других научных теориях представляет собой идеализацию разряженного состояния атмосферы, которое лишь условно (и значит, с учетом погрешностей) может толковаться как пустота.

Общий принцип всех аналогий опыта гласит: опыт возможен только посредством представления о необходимой связи восприятий. Все аналогии опыта определяются через модусы времени, каковыми являются *постоянство, последовательность* и *одновременность существования.* "Поэтому всякому опыту, – говорит Кант, – должны предшествовать и делать его возможным три правила всех временных отношений явлений, согласно которым можно определить существование каждого явления относительно единства всего времени"[17].

Первая аналогия опыта – основоположение о постоянстве субстанции, согласно которому при всякой смене явлений субстанция постоянна, т.е. ее количество в природе не уменьшается и не увеличивается. Если учесть, что субстанция понимается Кантом не так, как ее понимал Спиноза, а как вещество, материя, то речь идет фактически о законе сохранения материи, который именно в эту эпоху был сформулирован, с одной стороны, М.В. Ломоносовым, а с другой – Лавуазье.

Кант связывает эту первую аналогию опыта с известным философским положением, впервые высказанным древнегреческими материалистами: из ничего не возникает ничего. Из принципа постоянства субстанции также следует, как подчеркивает Кант, невозможность абсолютного возникновения так же, как и абсолютного уничтожения. Таким

образом, идеалист Кант, субъективистски истолковывающий явления природы как феномены, образующиеся в процессе познания, вопреки своему идеализму, обосновывает материалистические принципы, на которых основывается естествознание. Иное дело, что понятия субстанции, материи, как и представление о самом содержании опыта понимается Кантом в духе гносеологического субъективизма, согласно которому "предметы опыта *никогда не даны сами по себе*; они даны только в опыте и помимо него вовсе не существуют"[18].

Вторая аналогия опыта гласит: все изменения происходят по закону связи причины и действия. Это положение направлено, с одной стороны, против индетерминизма, а с другой, – против знаменитого утверждения Юма о том, что понятие причинности есть не более, чем привычка рассматривать следующие друг за другом явления как причину и следствие. Юм правильно указал на тот факт, что сама по себе последовательность явлений во времени отнюдь не указывает на то, что предшествующее явление представляет собой причину, а последующее – следствие. Кант, разумеется, учитывает аргумент Юма и, вполне сознавая его важность, противопоставляет юмовскому эмпиризму положение об априорно обусловленной последовательности явлений, вследствие которой между предшествующими и последующими явлениями устанавливается необходимая связь, которая и есть отношение причины и следствия. Эта необходимая связь обусловлена априорностью субстанции, сохраняющейся при всех совершающихся в ней сменах состояний, и априорностью времени, в котором происходит переход от одного состояния субстанции к другому. Поскольку априорное условие всех восприятий "состоит в том, что последующее время с необходимостью определяется предыдущим временем... то и необходимый закон *эмпирического представления* о временно́м ряде состоит в том, что явления прошедшего времени определяют всякое существование в последующем времени, и эти последующие явления как события могут иметь место лишь постольку, поскольку первые определяют их существование во времени..."[19].

Нельзя, конечно, сказать, что априористические положения, с помощью которых Кант пытается опровергнуть один из главных тезисов юмовского скептицизма, действительно, решают весьма сложную гносеологическую проблему причинности. Тем не менее вторая аналогия опыта фиксирует историческую заслугу Канта, который, не ограничиваясь простым провозглашением всеобщности и необходимости причинности (как поступали, например, материалисты XVII–XVIII вв.), предпринял попытку путем гносеологического анализа этого отношения обосновать всеобщность детерминизма.

Третья аналогия опыта гласит: все субстанции, поскольку они могут быть восприняты в пространстве как одновременно существующие, находятся в полном взаимодействии. Из этого положения следует, что одновременное существование субстанций может быть опытно познано лишь постольку, поскольку они воздействуют друг на друга. Это значит, что "взаимодействие есть также условие возможности самих вещей как предметов опыта"[20].

Значение третьей аналогии опыта состоит в том, что она трактует взаимодействие как универсальную закономерность природы. Кант, следовательно, не ограничивается утверждением о необходимой связи природных явлений. Он идет значительно дальше, характеризуя эту связь как всеобщность движения, изменения, которые совершаются посредством взаимодействия. Таким образом, у Канта обнаруживается вполне позитивное понимание одной из основных черт диалектического процесса.

Важно отметить, что с точки зрения Канта взаимодействие явлений природы, которое он также называет общением, выступает необходимым условием познания природы. "Без общения, – говорит Кант, – всякое восприятие (явления в пространстве) оторвано от остальных восприятий, и цепь эмпирических представлений, т.е. опыт, должна была бы при наличии нового объекта начинаться совершенно заново, не находясь с предыдущим опытом ни в какой связи и ни в каком временно́м отношении"[21]. Следовательно, опыт не только основывается на взаимодействии явлений, но и познает это взаимодействие.

Четвертая группа основоположений чистого рассудка – постулаты эмпирического мышлени вообще – это априорное определение того, что́ возможно, что́ действительно и что́ необходимо в природе (или в опыте, что для Канта одно и то же). То, что́ согласно с формальными, т.е. априорными, условиями опыта, то *возможно*. То, что́ связано с "материальными" условиями опыта, т.е. с ощущениями, то *действительно*. То, связь чего с действительностью определяется согласно общим условиям опыта, *необходимо*.

Таким образом, Кант определяет возможность как мыслимое, разумеется, в рамках априорных условий опыта. Это, конечно, ограниченное понимание возможности, поскольку последняя фактически абсолютно противопоставляется реальному. В этом пункте Гегель пошел несравненно дальше кантовского понимания этой категории, установив весьма важное различие между абстрактной возможностью (на которой, по существу, остановился Кант) и конкретной возможностью, предполагающей наличие (или хотя бы становление) условий ее реализации.

Кантовское определение действительности также носит ограниченный, односторонний характер и фактически совпадает с определением реального, существующего. И здесь Гегель существенно исправил кантовскую постановку вопроса, проведя имеющее принципиальное значение различение между просто существующим и действительностью, которой имманентно присуща необходимость.

Кантовское понимание необходимости также несет на себе печать ограниченности, хотя бы уже потому, что оно исключает понятие случайности, не говоря уже о том, что оно никак не связано с категорией возможности. В главе "О схематизме чистых рассудочных понятий" Кант говорит: "Схема необходимости есть существование предмета во всякое время"[22]. Такое определение понятия необходимости не только обедняет его многообразное содержание, но также

игнорирует проблему генезиса необходимости, проблему исторической необходимости, отношение необходимости к свободе.

Несмотря на эти недостатки в кантовском понимании постулатов эмпирического мышления вообще, недостатки, самым непосредственным образом связанные с априоризмом, Кант, исходя из этих постулатов, отвергает возможность ясновидения, спиритического общения и т.п., поскольку все это не согласуется с формальными (априорными) условиями опыта, ограничивающими последний сферой явлений. Он отвергает также возможность схоластических "невесомых материй", признание существования которых не согласуется с "материальными" условиями опыта, т.е. с его неотделимостью от чувственных восприятий. Таким образом, Кант, несмотря на свой идеализм, субъективизм, априоризм, защищает и обосновывает мировоззренческие принципы передового естествознания своего времени, а иной раз и предвосхищает сформулированные в последующее время естественнонаучные принципы. Уместно отметить, что эти принципы, хотя они и формулируются идеалистом, вполне разделяются философами-материалистами.

Французский историк философии Ж. Вюйемэн в своей посвященной Канту монографии "Кантовское наследие и коперниковская революция" приходит к следующему выводу: "Таким образом, Фихте впервые поставил проблему логики опыта... Наукоучение и есть эта логика опыта"[23]. В свете изложенного выше в этом положении французский исследователь, на мой взгляд, явно недооценивает гносеологию Канта как априорную теорию опытного познания. Именно Кант в своей трансцендентальной логике первым поставил проблему логики опыта, в то время как Фихте стал его продолжателем, причем таким продолжателем, который в значительной мере отклонился от постановленной Кантом логико-гносеологической задачи.

Подведем некоторые итоги. Несомненно, что главной задачей философии Канта является обоснование возможности и необходимости априорного познания, с одной стороны, и априорных принципов нравственности, – с другой. Во Введении к "Критике чистого разума" Кант говорит: "Хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит *из* опыта... Поэтому возникает по крайней мере вопрос, который требует более тщательного исследования и не может быть решен сразу: существует ли такое независимое от опыта и даже от всех чувственных впечатлений познание?"[24]. Кант положительно отвечает на этот вопрос. Существует априорное познание. При этом Кант отличает *чистые* априорные знания, к которым не примешивается ничего эмпирического, от таких априорных знаний, которые включают в свой состав представления; почерпнутые из опыта и, следовательно, являются нечистым априорным знанием. "Так, например, – пишет Кант, – положение *всякое изменение имеет свою причину* есть положение априорное, но не чистое, так как понятие изменения может быть получено только из опыта"[25].

Главный вопрос "Критики чистого разума": как возможны априорные синтетические суждения, т.е. такие априорные суждения, посред-

ством которых осуществляется приращение знания? Конкретизируя эту гносеологическую проблему, Кант ставит следующие три вопроса, определющие основные задачи исследования, предпринятого в этом произведении: как возможна чистая математика? Как возможно чистое естествознание? Как возможна метафизика как наука? (само собой разумеется, что метафизика понимается как система априорного знания).

Перечисление основных вопросов "Критики чистого разума" неизбежно создает впечатление, что проблемы теории опыта занимают в этом произведении (и в кантовской философии вообще) второстепенное место, что они вообще рассматриваются только потому, что, согласно учению Канта, существует наряду с чистым априорным знанием и другое не чисто априорное знание. Однако такое впечатление весьма обманчиво, поскольку кантовское понимание априорного знания принципиально отличается от априористических концепций его предшественников-рационалистов, настаивавших на существовании сверхопытного, сверхчувственного познания и, следовательно, на возможности познания трансцендентной реальности.

Кант, как известно, не отрицает сверхопытного, трансцендентного. Понятие "вещи в себе" он относит к сверхопытной реальности. В своем учении о практическом разуме (нравственности) Кант обосновывает веру в существование Бога и загробной человеческой жизни, т.е. выражает теоретически недоказуемое, но морально безусловно необходимое, согласно его учению, убеждение. Свобода воли, составляющая сущность практического разума, постоянно подтверждается опытом, но она из него не выводима, и ее источником служит также трансцендентное. Все сверхопытное, сверхчувственное, трансцендентное принципиально непознаваемо: таково основное содержание кантовского агностицизма, который является столь же существенной характеристикой философии Канта, как и ее априоризм. Что же познаваемо по учению Канта? На этот вопрос Кант дает недвусмысленный ответ: всякое знание существует лишь в границах возможного опыта, т.е. никогда не выходит за его пределы. Разумеется, это относится и к априорному знанию, в том числе и к той его форме, которую Кант называет чистым априорным знанием (имеется в виду чистая математика). Кант учит, что чувственные восприятия наличествующих предметов образуют содержание эмпирического знания. "А эмпирическое знание есть опыт. Следовательно, *для нас возможно априорное познание только предметом возможного опыта*"[26]. Это принципиально новая, не существовавшая в докантовской философии постановка вопроса о смысле и роли априорного.

Таким образом, кантовское понимание априорного познания делает его также познанием эмпирической реальности. Что же отличает кантовское априористическое понимание опытного познания от гносеологических концепций философов-эмпириков? Признание возможности суждений безусловной всеобщности и необходимости в рамках априористически понимаемого опыта. Это значит, что Кант развивает философское понятие опыта, эмпирического познания, приближая его к

теоретическому познанию, которое немыслимо без обобщений, обладающих аподиктической всеобщностью. Тот факт, что теоретическое познание оперирует эмпирическими данными был очевиден, конечно, и для философов-эмпириков. Но для них оставался неразрешимым вопрос: каким образом теоретическое исследование приводит к выводам, которым рассудок придает безусловную всеобщность и необходимость? Воззрение Локка, согласно которому общее, универсальное не относятся к изучаемой действительности, а представляют собой лишь собирательные имена, показывают, насколько далеки были философы-эмпирики от понимания природы теоретического познания. Это, впрочем, не должно нас удивлять: в XVII–XVIII вв. естествознание носило преимущественно эмпирический характер.

Американский исследователь М. Матзаремен, характеризуя развитие кантовских воззрений, отмечает: "Кант начал свое исследование, допуская полное разделение (separation) между чувствами и интеллектом. Однако со временем он стал склоняться к ослаблению этого разделения и к поиску общей основы этих гетерогенных способностей". Однако это правильный вывод, указывающий на то, что Кант выявляет теоретическую нагруженность эмпирического знания, которое закономерно подымается до уровня теоретического исследования, Матзаремен истолковывает, на мой взгляд, неправильно. "Таким образом, – пишет он, – Кант прокладывает мост через пропасть между эмпиризмом и рационализмом"[27]. В действительности, Кант вовсе не стремится примирить эти противоположности, о чем свидетельствует его бесповоротный разрыв с любыми претензиями на познание сверхопытной реальности, так же, как и его априоризм, обосновывающий познание в границах возможного опыта. Такой априоризм, принципиально ограничиваемый рамками опытного познания, есть, конечно, решительный разрыв с гносеологией рационализма.

Одной из важнейших характеристик кантовского априоризма является его учение о категориях. Эти общие понятия, без которых невозможно человеческое познание даже в его элементарных формах, характеризуется Кантом как неизменные формы мышления, область применения которых ограничена эмпирическим познанием. "Категории, – заявляет Кант, – не имеют никакого иного применения для познания вещей, кроме применения к предметам опыта"[28]. Это положение несомненно углубляет, обогащает научное понимание опыта, который благодаря кантовскому учению выступает как сложная познавательная структура, принципиально не сводимая к чувственным данным, которые осмысливаются, обобщаются в процессе опытного познания. Кантовское утверждение, что категории суть категории только опыта и принципиально неприменимы за его пределами, заключает в себе не просто высокую оценку эмпирического познания, но и признание того, что всякое познание в основе своей носит эмпирический характер.

Кант, конечно, заблуждается, считая категории неизменными формами мышления. Эти общие понятия исторически развиваются, обогащаются новым содержанием в ходе развития наук о природе и обществе. Достаточно хотя бы указать на роль статистической физики

в развитии таких понятий, как возможность, случайность, необходимость.

Кант также заблуждается, считая категории априорными общими понятиями. Это заблуждение имело тот же источник, что и убеждение в неизменности категорий. Можно сказать даже больше: кажущаяся неизменность наиболее общих философских понятий, их отличие от эмпирических понятий, связь которых с чувственными данными достаточно очевидна, явно способствовали их истолкованию в духе априоризма.

Кант заблуждается также, считая, что сами по себе категории суть бессодержательные формы мышления, что они представляют собой лишь способы, посредством которых упорядочиваются, синтезируются явления, которые субъективистски истолковываются как феномены познавательного процесса. Это заблуждение Канта непосредственно связано с представлением о субъективности категорий. Формы мышления, полагал Кант, не могут быть отношениями, присущими мыслимой реальности. Между тем необходимость, причинно-следственное отношение внутренне присущи независимой от познающего субъекта действительности, являются существенными определенностями объективных процессов. То же относится и ко всем другим категориям, указанным Кантом в составленной им таблице.

Все эти заблуждения Канта являются, конечно, заблуждениями его идеализма, априористического идеализма, который субъективистски интерпретирует объективную, познаваемую реальность и допускает (и то лишь в порядке предположения или предмета веры) объективно существующее как непознаваемую реальность. И все же, несмотря на все идеалистические заблуждения, кантовский априоризм сыграл выдающуюся роль в развитии методологии не только философского, но и общенаучного эмпиризма.

[1] *Кант И.* Критика чистого разума // Соч. М., 1964. Т. 3. С. 78.

[2] Там же. С. 437. Понятно поэтому категорическое заявление Канта: "Всякое познание *вещей* из одного лишь чистого рассудка или чистого разума есть лишь видимость, и истина только в опыте" (курсив мой. – *Т.О.*). Кант И. Пролегомены... // Соч. М., 1965. Т. 4, ч. 1. С. 200. Это положение Кант называет *основоположением, всецело определяющим* его идеалистическую систему. Следует, однако, иметь в виду, что чистую математику и математическое естествознание Кант трактует как априорное познание, принципиально отличное от эмпирического познания предметов, которое Кант вовсе не отрицает.

[3] Там же. С. 751. Как "эмпирический реалист", Кант относится к опыту как к "единственному способу знания, каким нам даются предметы". Там же. С. 392. Разумеется, речь идет о чувственно воспринимаемых предметах, а не о математических объектах, которые Кант характеризует как рассудочные построения. В их основе, как уже указывалось, лежат априорные созерцания, но последние не являются созерцаниями каких-либо реальных объектов, вещей, явлений.

[4] См.: *Локк Дж.* Соч.: В 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 183, 313, 331, 347.

[5] *Кант И.* Соч. Т. 3. С. 437. "Критика чистого разума" открывается, как известно, эпиграфом из Ф. Бэкона, которого Кант называет первым и величайшим исследователем природы. "Бэкон Веруламский, – пишет Кант в другом своем сочинении, в "Антропологии", – дал блестящий пример такого метода, на основании которого можно с помощью эксперимента открыть скрытые свойства вещей в природе". *Карт И.* Соч. М., 1966. Т. 6.

С. 465. Столь же высоко оценивает Кант эмпиристскую гносеологию Локка, которую он характеризует как антиметафизическую "физиологию рассудка", одним из достижений которой стало исследование "восхождения от единичных восприятий к общим понятиям". *Кант И.* Соч. Т. 3. С. 74, 183.

[6] *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // Соч. Т. 1. С. 471.

[7] *Cohen H.* Kants Theorie der Erfahrung. B., 1885. S. 578, 605.

[8] *Фишер К.* Иммануил Кант и его учение. СПб., 1910. Ч. 1. С. 227.

[9] *Зандкюллер Г.Й.* Действительность знания. М., 1996. С. 126. В другом месте своей работы автор заявляет: "Кант в большей степени последователь эмпиризма, нежели предшественник идеализма Фихте, Шеллинга и Гегеля". Там же. С. 131. Это утверждение, на наш взгляд, явно преувеличено. Продолжатели Канта, развивая основные положения трансцендентального идеализма, вполне воспринимали и кантовскую высокую оценку опытного знания. Так, Фихте в работе "Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о сущности новейшей философии" недвусмысленно утверждал: "...у нас вообще нет ничего истинного и реального, кроме опыта, доступного каждому". *Фихте И.Г.* Соч.: В 2 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 574. Шеллинг и Гегель говорили об опыте, об эмпиризме не в столь патетическое манере, но они были весьма далеки от недооценки их познавательного значения.

[10] Handbuch philosophischer Begriffe. München, 1973, Bd. 1. S. 377, 385.

[11] *Reichenbach H.* Der Aufstieg der wissenschaftlichen Philosophie. Braunschweig, 1968, S. 61.

[12] Характеризуя воззрения Бэкона, Локка, Юма, Райхенбах заключает: "Конечный результат их исследований состоит в убеждении, что чувственное восприятие образует источник и последнюю инстанцию знания". Ibid. 94. В отличие от классиков философского эмпиризма Райхенбах был философом XX в., и притом философом, который специально изучал современное естествознание. Тем более удивительно, что он вполне солидаризуется с воззрениями философов XVII–XVIII вв., т.е. эпохи, когда естествознание действительно основывалось преимущественно на данных повседневного опыта. Правда, и в те времена опытное исследование принимало как нечто само собой разумеющееся положение о всеобщности причинно-следственного отношения, хотя это положение никоим образом не вытекает из чувственных восприятий окружающего мира.

[13] *Кант И.* Соч. Т. 3. С. 187–188.

[14] Там же. С. 248.

[15] Там же. С. 190.

[16] По этому поводу Г. Коген замечает: "Если мы говорим, что Кант исходил из факта ньютонианской науки, то тем самым указана основная черта его философствования". *Cohen H.* Kants Theorie der Erfahrung. S. 55. С утверждением относительно *основной черты* философии Канта, якобы почерпнутой из теории Ньютона, согласиться, конечно, нельзя. Однако можно считать несомненным тот факт, что ньютоновское понятие математического пространства (и времени), которое противопоставлялось *эмпирическому* пространственно-временному континиуму, оказало значительное влияние на учение Канта о пространстве и времени как априорных чувственных созерцаниях, составляющих основу чистой математики и математического естествознания.

[17] *Кант И.* Соч. Т. 3. С. 249.

[18] Там же. С. 452.

[19] Там же. С. 268.

[20] Там же. С. 275.

[21] Там же. С. 277.

[22] Там же. С. 225.

[23] *Vuillemin J.* L'héritage kantien et la révolution copernicienne. P., 1954. P. 96.

[24] *Кант И.* Соч. Т. 3. С. 105.

[25] Там же. С. 106.

[26] Там же. С. 214.

[27] *Muthuraman M.* Kant is the Bridge between Retionalism and Empiricism. – Akten des 4. Internationalen Kant – Kongresses. 1974. Teil II, 1: Sektionen, S. 50.

[28] *Кант И.* Соч. Т. 3. С. 201.